

Блестящее дѣло, открывшее дорогу къ штурму Карса въ 1877 году.

Къ числу особенно блестящихъ и молодецкихъ дѣлъ, совершенныхъ нашими славными войсками, такъ сказать, наканувѣ окончательнаго покоренія Карса, несомнѣнно принадлежитъ взятіе укрѣпленія Хафизъ.

Взятіе это имѣло громадную важность и виновникомъ его былъ герой Карса, полковникъ Оаддеевъ, занимавшій 35 лѣтъ тому назадъ постъ командира 158-го пѣхотнаго Кутаисскаго полка. Онъ 35 лѣтъ назадъ, во время русско-турецкой войны, командовалъ славнымъ 158-мъ пѣхотнымъ Кутаисскимъ полкомъ, съ восемью ротами котораго сдѣлалъ чудо, увѣковѣчившее его имя на скрижаляхъ военной исторіи, вообще, и, въ частности, въ исторіи Кавказскихъ войнъ.

Герой взялъ укрѣпленіе Хафизъ и отбилъ самую отчаянную атаку турокъ, открывъ этимъ, какъ изволилъ выразиться тогда главнокомандующій арміею Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ въ приказѣ: „дорогу къ штурму Карса“.

Укрѣпленіе Хафизъ расположено въ юго-восточной части Карса, представляя издали незамѣтную цѣль для противниковъ, хотя само могло хорошо обстрѣливать какъ впереди лежащую мѣстность, такъ и примыкающіе къ нему форты Карадагъ и Каплы. Укрѣпленіе это было устроено со всѣми принадлежностями новѣйшаго типа и имѣло весьма значительную, несомнѣнно стратегическую важность. Оно имѣло видъ сомкнутаго редута, внутри котораго находилась каменная оборонительная казарма, при чемъ въ фортификаціонномъ отношеніи оно не оставляло желать ничего лучшаго. И, вотъ, такое силь-

ное укрѣпленіе, защищаемое многочисленнымъ гарнизономъ, численностью чуть-ли не въ пять-шесть разъ больше, чѣмъ было нашихъ войскъ, не могло устоять противъ восьми ротъ лихихъ кутайцевъ и ихъ талантливаго начальника полковника Өаддеева.

Какъ извѣстно, послѣ знаменитаго погрома арміи Мухтара-паши, русскія войска обложили Карсъ. Первый и второй батальоны Кутайскаго полка, вмѣстѣ съ батареей 40-й артиллерійской бригады и сотней казаковъ, составивъ колонну, подъ начальствомъ полковника Өаддеева, расположились лагеремъ на горѣ Визинкевъ, отстоящей въ 14-ти верстахъ противъ сѣверо-восточной стороны Карса; третій же батальонъ кутайцевъ вошелъ сначала въ составъ мацринскаго отряда, а потомъ былъ присоединенъ къ магараджикскому отряду. Лагерь визинкевской колонны тянулся по скату крутой, изрытой турецкими укрѣпленіями горы; на самой верхней точкѣ ея поставлены были два девятифунтовыхъ орудія. Военно-походная жизнь на Визинкевъ, да притомъ еще въ такое время года, къ которому относится взятіе Хафиза, а затѣмъ и Карса, была полна разными лишеніями, созданными военными дѣйствіями. Главное же бѣдствіе заключалось въ недостаткѣ хотя-бы маломальски сносной воды; два мутныхъ, едва-едва сочившихся родника плохо утоляли жажду солдатъ, а для варки пищи имъ нужно было возить воду за 15 цѣлыхъ верстъ, откуда въ Визинкевъ былъ проведенъ турецкій водопроводъ, испорченный турками при бѣгствѣ ихъ 3 октября. Водопроводъ впоследствии былъ восстановленъ, и тогда войска могли пить воды, сколько имъ было угодно, но этого было для нихъ мало. Они находились на высокой мѣстности, гдѣ леденящій холодъ, отсутствіе теплой обуви и одежды, тяжелая сторожевая служба, напряженное состояніе не давали имъ ни минуты покоя, а въ конецъ физически и нравственно изнуряли. Всѣ они съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали какой бы то ни было развязки.

Турки, видя, какимъ прочнымъ кольцомъ наши войска размѣщались вокругъ Карса, почувствовали, что Карсу грозитъ бѣда, хотя, въ свою очередь, въ ночь на 22 октября выстроили впереди Хафиза небольшую полевую батарею и начали наносить довольно ощутительный вредъ нашимъ дальнобойнымъ батареямъ. Турецкія батареи пробудили войска отъ оковавшей ихъ спячки, поднявъ между ними много животрепещущихъ надеждъ. И, вотъ, наступило утро 24 октября, когда густая мгла царяла въ лагерѣ кутайцевъ и порывистый вѣтеръ раз-

носилъ повсюду мокрые хлопья снѣга. Лагерь давно уже всталъ на ноги и солдатики успѣли закусить своей походной закуской — сухарями. Вдругъ раздалась команда: „Людей выводить“. Роты немедленно собрались и были построены въ батальонную колонну. Тутъ къ нимъ подѣхалъ полковникъ Ѡаддеевъ и послѣ обычнаго привѣтствія произнесъ: „Ребята, покажемъ туркамъ, каковы есть кутаисцы... Безъ приказанія не стрѣлять, а доберемся до врага, не жалѣй штыка. Работай лихо... Съ Богомъ“... Эти простые, но глубоко прочувствованныя слова, произнесенныя любимымъ начальникомъ въ такую патетическую минуту, проникли гальваническимъ токомъ въ глубину души cadaго офицера и солдата, и всѣми овладѣлъ какой-то неудержимый энтузіазмъ и желаніе скорѣй двинуться на врага и прогнать его. Когда же полковникъ Ѡаддеевъ командовалъ: „Ружья вольно. Шагомъ маршъ“... то у cadaго мелькнуло сознаніе, что настала конецъ тому томительному ожиданію, которымъ такъ тяготились солдаты.

Пройдя отъ лагеря версть восемь, кутаисцы расположились на позиціи. Туманъ сталъ понемногу рѣдѣть и выглянувшее изъ-за свинцовыхъ тучъ солнышко какъ-то оживило всѣхъ и подбодрило. Между тѣмъ, далеко влѣво отъ занятой кутаисцами позиціи разгорѣлся сильный бой, бѣлые дымки змѣнились, составляя двѣ линіи—нашу и турецкую. Сердце у cadaго кутаисца болѣзненно сжималось и каждый думалъ: „Скорѣе бы послали выручать своихъ“. Но, вотъ, раздалась спасительная команда „въ ружье“, и кутаисцы двинулись по направленію къ параллельному фронту Карса. Пройдя версты три, артиллерія, лихо вѣхавъ на позицію, открыла, по приказанію Ѡаддеева, убійственно мѣткій огонь по дымящейся впереди турецкой батарее, а кутаисцы въ это время, войдя, такъ сказать, въ сферу непріятельскаго огня, перестроились изъ походной колонны по-ротно въ двѣ линіи, имѣя въ резервѣ три роты 1-го батальона, и зорко слѣдили за непріателемъ. Въ это самое время къ полковнику Ѡаддееву подѣхалъ ординарецъ отъ генерала Лазарева и передалъ ему приказаніе „обходить“.

Послѣ такого приказанія наша цѣпь, быстро наступаая, открыла огонь и начала тѣснить непріятельскую цѣпь, а затѣмъ полковникъ Ѡаддеевъ отдалъ приказъ первой линіи ротныхъ колоннъ развернуться въ густую цѣпь, а второй—разомкнуть ряды и прибавить шагу. По мѣрѣ отступленія турокъ къ Хафизу, кутаисцы отходили все болѣе и болѣе вправо и, нако-

нецъ, благодаря волнистой мѣстности и довольно глубокой впадинѣ, скоро скрылись отъ Хафиза, но за то Карадагъ ни за что не хотѣлъ освободить кутаисцевъ отъ огня и только благодаря быстрому движенію и частой перемѣнѣ направленія турки не могли имѣть вѣрнаго прицѣла въ живыя мишени.

Начало смеркаться. Цѣпь взяла ружья вольно. Въ воздухѣ пахнуло удушливою гарью, на душѣ у каждаго было какъ-то мрачно и жутко. Вдругъ среди подавляющей тишины, изрѣдка нарушаемой выстрѣлами изъ орудій, до кутаисцевъ долетаетъ слабый отголосокъ могучаго „ура“. Всѣ вострепнулись. Оказалось, что центръ нашихъ силъ бросился на батарею; турки не выдержали и, взявъ орудія на передки, быстро умчались въ Карсъ вмѣстѣ съ прикрывавшею батарею пѣхотою.

Выбивъ турецкую батарею съ позиціи, генералъ Лазаревъ вернулся въ лагерь и въ то же время приказалъ ординарцу вернуть отрядъ полковника Өаддеева, но сдѣлать этого не удалось, такъ какъ ординарецъ не могъ найти отряда.

Полковникъ Өаддеевъ давно уже обратилъ вниманіе на Хафизъ и поставилъ себѣ отважную цѣль — взять его во что бы то ни стало; но взять его при той горсти солдатъ, которая была въ колоннѣ полковника Өаддеева, казалось дѣломъ совершенно невозможнымъ. Однако, военный талантъ, храбрость и выносливость начальника и русскаго солдата не остановились и въ данномъ случаѣ передъ громадною опасностью. „Правое плечо впередъ“, — раздалась громкая команда полковника Өаддеева, разомъ объясняя путь движенія. Пройдя нѣкоторое разстояніе, кутаисцы подошли къ лѣвому фасу Хафиза, гдѣ завѣдывающій стрѣлками доложилъ Өаддееву, что съ лѣвой стороны нѣтъ русскихъ войскъ, а впереди укрѣпленіе. „Тѣмъ больше будетъ чести, если мы возьмемъ укрѣпленіе“, — отвѣтилъ Өаддеевъ. „Прикажите только цѣпи зайти правымъ плечомъ и молча броситься на укрѣпленіе, а я за вами буду итти слѣдомъ“. Затѣмъ, указывая на чернѣвшее укрѣпленіе, полковникъ Өаддеевъ обратился къ солдатамъ: „Кутаисцы, слава ваша прикована къ этимъ орудіямъ. Прибавь шагу“. Солдатики, сохраняя полное молчаніе, двинулись впередъ. Энергично и во-время сказанныя слова любимаго начальника влили нѣ солдатскую душу притокъ нравственно-физическихъ силъ. Куда дѣлись усталость и жажда. Каждый рвался поскорѣй кинуться на „ура“. Когда кутаисцы заняли пространство между Хафизомъ и Карадагомъ, они наткнулись на площадь, усѣянную самодѣйствующими минами. „Вотъ ужъ воистину, — шутили солдаты, — мы

попали въ чертово пекло“. Куда кто ни ступить, отовсюду раздавались взрывы, происходила страшная трескотня. Но адскій огонь, особенно страшный среди темной, холодной ночи, не устрасилъ кутанцевъ; они быстро прошли поле, гдѣ смерть витала надъ головою cadaго, и затѣмъ, сомкнувшись тѣсными рядами, бросились на „ура“, отъ котораго оврагъ затрепеталъ. Моментально отъ ружейныхъ и орудійныхъ выстрѣловъ весь брустверь вспыхнулъ, какъ будто-бы освѣщенный бенгальскимъ огнемъ. Высота бруствера съ каменнымъ основаніемъ явилась трудно преодолимымъ препятствіемъ. И, вотъ, тутъ - то, въ такую ужасную минуту, рѣшилось: быть или не быть.

Солдатики подсаживали другъ друга, карабкались, отрывались и снова лѣзли. Полковникъ Ѡаддеевъ тоже силился влѣзть на брустверь, но сначала все обрывался, затѣмъ, послѣ долгихъ усилій, ему, наконецъ, удалось вскочить на брустверь. Видя своего командира на брустверѣ, солдаты напрягли свои силы и мигомъ очутились около начальника, послѣ чего кутанцы рѣшительнымъ ударомъ въ штыки сломили защитниковъ Хафиза. Послѣ штыковъ завязалась рукопашная, въ которой русская сила и мощь тоже восторжествовали. Въ рукопашной битвѣ кутанцы первымъ долгомъ уничтожили артиллерійскую прислугу. У нѣкоторыхъ орудій наводчики оказались прикованными, дабы отъ страха не могли бѣжать; одинъ изъ такихъ узниковъ, какъ только солдаты вошли на бастіонъ, сорвалъ цѣпь и бросился бѣжать, при чемъ наткнулся на Ѡаддеева и чуть было не сбиль его съ ногъ, но два штыка и пуля кутанцевъ уложили неразумнаго турка на мѣстѣ.

Уступивъ гребень бруствера, турки упорно держались внутри укрѣпленія. Минуть съ десять шла рукопашная свалка, въ которой слышались „ура“ да „Алла“, стоны и стенанья. И, вотъ, среди этого ада, окутаннаго неприглядной темною ночью, солдатики слышатъ голосъ своего командира: „Лихо, кутанцы, штыки, ребята, штыки!“ Кутанцы съ новою силою, какъ львы, ринулись на непріятеля, который не выдержалъ натиска и бѣжалъ въ страшной паникѣ; настигли его и тутъ кутанцы и стали бить, что называется, на выборъ...

Потерпѣвъ полное пораженіе и потерявъ Хафизъ, оставшіяся въ укрѣпленія турецкія войска побросали оружіе и сдались.

Одержавъ такую безпримѣрную и блестящую побѣду надъ Хафизомъ, полковникъ Ѡаддеевъ приказалъ приступить къ заклепкѣ отбитыхъ турецкихъ орудій, каковыхъ взято было

цѣлыхъ шестнадцать. Заклепавъ орудія и взявъ съ собою замки, а также и другіе трофеи,—кавалерійскій штандартъ, около 80 человѣкъ плѣнныхъ солдатъ и около десяти человѣкъ офицеровъ,—кутаисцы выступили изъ Хафиза въ свой лагерь. Когда они двинулись съ плѣнными турками, одинъ изъ плѣнныхъ турокъ наскочилъ на Өаддеева, но, благодаря подоспѣвшимъ солдатамъ, турка моментально оттолкнули и хотѣли было прикончить съ нимъ, и только приказаніе Өаддеева спасло его отъ смерти.

Послѣ блестящаго взятія Хафиза кутаисцы возвращались къ себѣ въ лагерь до того изнуренные отъ физической усталости и отъ сильной жажды, что еле-еле передвигали ноги и переходы могли дѣлать самые маленькіе, самые короткіе, — до того томила ихъ жажда. Какъ только они останавливались на привалъ, сейчасъ же ползкомъ отыскивали воду, и если кто-либо натыкался на какую-нибудь лужицу,—припадалъ къ ней и втягивалъ въ себя грязную дождевую влагу, похожую видомъ на кофейную гущу. Какъ ни труденъ былъ переходъ, но солдатики, не доходя до лагеря, подтянулись, выстроились по-ротно и грянули молодецкую пѣсню. При входѣ хафизскихъ героевъ въ лагерь ихъ встрѣтили музыкой, игравшей гимнъ „Боже, Царя храни“. Общему ликованію и радости не было конца. Главный герой полковникъ Өаддеевъ получалъ отъ всѣхъ поздравленія и благодарности. Объ этомъ геройскомъ дѣлѣ было донесено немедленно Государю Императору, и Его Величество осчастливилъ кутаисцевъ слѣдующею телеграммой на имя Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго Кавказской арміей:

„Кутаисцамъ мое особое спасибо за молодецкое дѣло. Ты можешь гордиться славными войсками, находящимися подъ твоей командой. Да будетъ благословеніе Божіе и впродъ съ ними“.

Молодецки открывши дорогу къ штурму Карса, полковникъ Өаддеевъ со своими кутаисцами не почилъ на лаврахъ; онъ послѣ малой передышки вновь участвуетъ въ жаркомъ бою при взятіи укрѣпленія Карадага, которое было взято имъ съ пятью ротами лихихъ кутаисцевъ.

Палъ Карадагъ, составляющій главное укрѣпленіе по системѣ обороны Карса; не выдержала натиска русскихъ войскъ и неприступная, первоклассная турецкая крѣпость Карсъ, въ штурмъ которой полковникъ Өаддеевъ со своими славными кутаисцами принималъ самое горячее боевое участіе и надъ этою крѣпостью,

къ общему ликованію нашей арміи, развѣвался уже російскій флагъ.

Полковникъ Ѡаддеевъ за молодецкіе боевые подвиги въ турецкую кампанію удостоился рѣдкой высокой награды: будучи въ чинѣ полковника, онъ получилъ за военныя отличія орденъ св. Георгія третьей степени, жалуемый только генеральскимъ чиномъ, а въ память знаменательнаго штурма карадагскихъ укрѣпленій, Карадагу нынѣ присвоено названіе „Фортъ Ѡаддеевъ“.

Помнится, когда Семень Андреевичъ Ѡаддеевъ, при жизни, въ одной изъ бесѣдъ съ нимъ, рассказывалъ мнѣ о томъ, въ какое смущеніе привелъ его полученный орденъ св. Георгія. Прибывъ послѣ окончанія войны въ Петербургъ, онъ въ числѣ многихъ высшихъ военныхъ чиновъ представлялся въ Зимнемъ дворцѣ Императору Александру II. „Пріѣхавъ во дворецъ, меня“, говорилъ Семень Андреевичъ, „въ числѣ другихъ внесли въ списокъ представлявшихся, которыхъ было очень много“. Среди представлявшихся были Великіе Князья, генералы, которые, какъ бы, не замѣчали маленькой фигуры полковника Ѡаддеева.

Но, вотъ, извѣстили о Высочайшемъ выходѣ Государя Императора въ залъ, гдѣ выстроились всѣ представлявшіеся. Выйдя изъ внутреннихъ покоевъ, Императоръ Александръ II, поздоровавшись съ Великими Князьями и высшими чинами, сталъ осматривать представлявшихся, какъ бы ища глазами кого-то, а затѣмъ съ ласковою улыбкою подошелъ къ полковнику С. А. Ѡаддееву, протянулъ ему руку, поблагодарилъ его за молодецкое дѣло при взятіи Хафиза, Карадага и Карса и милостиво сказалъ: „Ты у Меня одинъ въ арміи полковникъ съ генеральскимъ орденомъ св. Георгія, ты вполнѣ заслужилъ его“. „Послѣ этихъ милостивыхъ словъ Императора, я сталъ центромъ общаго вниманія“, говорилъ Семень Андреевичъ, — „ко мнѣ стали подходить Великіе Князья, высшіе чины и многіе изъ представлявшихся съ поздравленіями и разспросами о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Карсомъ... Вотъ это-то высокое вниманіе Его Величества Императора Александра II за полученный мною орденъ и смутило меня, хотя, какъ сейчасъ помню“, говорилъ Семень Андреевичъ, — „смущеніе это было какое-то пріятное“.

С. А. Ѡаддеевъ умеръ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи 31 января 1909 года и похороненъ въ Тифлисѣ, въ оградѣ Александро-Невскаго военнаго собора. Онъ не дожилъ года съ

лишнимъ до Карскихъ торжествъ, бывшихъ въ ноябрѣ 1910 года по случаю освященія памятника на братскихъ могилахъ въ Карсѣ, подъ которымъ погребены герои, павшіе въ бояхъ при четырехъ штурмахъ Карса.

Вотъ уже 35 лѣтъ, какъ подъ сѣнью Россійскаго двуглаваго орла протекаетъ въ Карсѣ и, вообще, во всей области мирная жизнь съ ея культурными начинаніями, развитіемъ гражданственности, насажденіемъ грамотности, оказаніемъ населенію медицинской помощи (путемъ открытія сельскихъ лѣчебницъ), устройствомъ новыхъ дорогъ, поднятіемъ всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства для улучшенія благосостоянія населенія, на что русскимъ правительствомъ за эти 35-ть лѣтъ положено много заботъ и труда, а изъ русской казны потрачено много денежныхъ средствъ.

М. Бѣлозерскій.

